

За пределами Запретного города Иньти никак не мог уснуть. Все его мысли занимал Иньжэн. Он томился грустью из-за скрытности брата, но в то же время на сердце сладко теплело от мысли, что Баочэн всё же неравнодушен к нему. Разве в прошлой жизни он не твердил упрямо, будто ни о чём не жалеет? Теперь же раскаяние жгло душу. Ни императорский престол, ни величие власти — ничто не стоило его Баочэна. Иньти мысленно звал его, баюкая это имя:

"Баочэн, Баочэн..."

В Обители принцев, в покоях Двенадцатого принца, допоздна горели светильники.

Хунши с холодным выражением лица выслушивал сбивчивые объяснения императорских лекарей.

"Неужто кошмар привиделся?"

Он мягко, едва заметно сощурился, глядя на троих эскулапов. От этой вкрадчивой полуулыбки лекарям стало не по себе — по спинам пробежал холодок. Спустя мгновение Хунши негромко произнёс:

— Благодарю за труды. Ночь выдалась беспокойной. Завтра, когда брат придёт в себя, вас непременно вознаградят.

Линь Яо тут же шагнул вперёд и вежливо пригласил лекарей переждать в соседней комнате.

Те растерянно переглянулись, торопливо поклонились и закивали:

— Двенадцатый принц лишь слегка занемог из-за перемены погоды. Мы лишь исполняем свой долг, господин, и не смеем уповать на награду.

Хунши улыбнулся шире:

— Вот и славно.

С этими словами он повернулся и направился во внутреннюю спальню Иньжэна. Заметив понимающий взгляд Ли Сяна, стоявшего у дверей, Хунши едва заметно кивнул — на душе немного отлегло. Обойдя резную ширму, он опустился на край постели, бережно взял горячую ладонь Иньжэна и прижал к своей щеке. Он горестно помрачнел.

"Да что же это такое... Из тысячи невзгод, что случаются под луной, почему все до единой сыплются на наши головы?"

Иньжэн метался в тисках кошмара. Он видел полный отвращения взгляд Канси, в ушах звенели жестокие, бьющие в самое сердце слова отца. Он заново переживал свою былую наивность и сокрушительное, леденящее отчаяние. Он отчаянно пытался вырваться из плена воспоминаний: зажимал уши, но безжалостные призраки прошлого не отпускали его.

"Прекрати! Уйди! Только не это!"

И вдруг сквозь черноту пробился тихий, ласковый голос, зовущий его по имени. Тьма рассеялась, и перед ним возник образ гордого юноши. Тот вежливо кланялся, соединив ладони, но во всём его облике сквозило упрямство и бунтарский дух. Баоцин... Картинка дрогнула, смазалась и уступила место лицу Яоиня — его сложному, полному невысказанной боли взгляду. Баоцин... Старший брат...

Хунши склонился над спящим Иньжэном и уловил едва слышный, прерывистый шёпот:

— Старший брат...

На душе у Хунши сделалось на редкость паршиво.

"Вот ведь незадача. Я тут, понимаешь, посреди ночи у его постели дежурю, глаз не смыкаю, а этот пройдоха-дядюшка умудряется и отсюда меня потеснить? Решил отобрать у меня брата?"

Поймав себя на уколе ревности, Хунши удивлённо покачал головой. Ситуация казалась абсурдной — он чувствовал себя заботливым отцом, который отдаёт любимую дочь замуж.

"Уж не лихорадка ли у меня самого началась?"

Убедившись, что дыхание Иньжэна выровнялось и кошмары отступили, Хунши наконец перевёл дух. Он быстро зашептал распоряжения слугам: позвать врачей для повторного осмотра, щедро их одарить и немедленно отправить вестника во Дворец Икунь, чтобы успокоить матушку Налу. Ли Сян с полуслова понял господина, бесшумно приблизился и помог ему скинуть верхнее платье. Хунши юркнул под одеяло и уткнулся носом в подушку.

"С ног валюсь от усталости. Спать, немедленно спать!"

Проснулся Хунши от удушья. Стоило ему разлепить веки и узнать знакомые очертания полога, как из груди вырвался тяжёлый вздох. Можно было даже не смотреть: у его дражайшего второго дяди была просто невыносимая привычка спать без задних ног, наваливаясь на соседа всем телом. Хунши с трудом спихнул с себя Иньжэна. Тот сонно заворочался, приоткрыл глаза и ласково, с капризными нотками протянул:

— Сяо Ши-и-и...

Хунши расплылся в притворно-сладкой улыбке и елеиным голоском отозвался:

— Дядя, уже соизволили проснуться?

Иньжэн замер, а затем уткнулся лбом в плечо племянника, уютно устраиваясь:

— Сегодня не хочу в Императорскую школу...

Хунши приобнял его за плечи, увлекая обратно под тёплое одеяло, и тщательно подоткнул края:

— Матушка уберегла нас — выхлопотала два дня отдыха.

Он на секунду замялся, раздумывая, стоит ли заводить разговор о тех самых гостях. Вряд ли эти старые лисы утихомируются. Расклад сил во дворце вот-вот изменится, и им самим нельзя сидеть сложа руки.

Иньжэн ободряюще похлопал его по спине и лениво протянул:

— К чему спешка? Не суетись, точно испуганный мышонок, у которого разорили норку.

Он помолчал, а потом спросил уже серьёзнее:

— С теми деятелями всё выяснилось? Личности подтвердил?

Хунши пропустил шутку мимо ушей, немного подумал и кивнул, покрепче прижимая Иньжэна к себе. Хотя он и был на три года младше дяди, благодаря заботливому уходу и целебным снадобьям почти не уступал ему в росте и силе. Сам же Иньжэн, несмотря на все ухищрения лекарей и лучшие диеты, рос медленно, из-за чего Иньти извёл немало бумаги и заставил медицинскими трактатами едва ли не половину своего кабинета. Единственным утешением было то, что в этом году Иньжэн почти не болел, позабыв о прежней хрупкости.

Они лежали в тишине. Когда Хунши уже решил, что дядя снова погрузился в сон, раздался негромкий голос Иньжэна:

— Сяо Ши, а не прогуляться ли нам по городу?

Хунши весело хмыкнул:

— И велеть Яолиню ждать нас в Ресторане Драконьего Источника?

Иньжэн резко сел, набросил на плечи халат и ловко перелез через лежащего Хунши:

— Поднимайся. Нанесём визит матушке-императрице!

Хунши лишь покачал головой: «Какое очевидное прикрытие».

Стоило им переступить порог Дворца Икунь, как императрица Нала, не дав Иньжэну толком закончить поклон, ласково притянула его к себе и принялась пристально разглядывать.

Иньжэн отчаянно косился на племянника, умоляя о спасении, но Хунши упорно притворялся слепым. Всё его внимание заняло блюдо со сладостями.

"О, у матушки сегодня новые угощения. Надо попробовать".

Несмотря на ночные вести от младшего сына о том, что старший всего лишь слегка простудился, Нала не находила себе места до самого рассвета. Именно поэтому она самолично освободила их от занятий в Императорской школе. Осмотрев Иньжэна со всех сторон и убедившись, что его жизни ничего не угрожает, императрица облегчённо вздохнула. Затем она осторожно, намёками дала понять сыну, чтобы тот не принимал близко к сердцу недавнюю холодность отца-императора. Они с Хунши ещё слишком юны, торопиться некуда, а уж за свой трон на правах законной супруги она постоит.

Иньжэну было не по себе от того, что с ним нянчатся как с несмышлёнышем, но он покорно прильнул к плечу Нала. Слушая её ласковый голос, он чувствовал, как душу затапливает тихое, давно забытое тепло.

— Матушка, со мной всё в порядке, — проговорил Иньжэн, легонько подёргав императрицу за рукав. Заметив, как та нахмурилась, он тут же добавил самым просительным тоном: — Просто в четырёх стенах тоска берёт, охота развеяться. Хунши со мной пойдёт, он ведь тоже давно за воротами не был. Мы навестим Фуканъаня, сто лет с ним не виделись!

Хунши решил, что пора вмешаться, отложил лакомство и поспешил поддержать брата. Глядя на то, как сыновья дружно упрашивают её, и вспоминая дворцовые сплетни о незаслуженной обиде от императора, Нала смягчилась. В конце концов, глоток свежего воздуха пойдёт им на пользу. Она кивнула, но строго-настрого запретила задерживаться допоздна.

Мальчишки радостно поклонились.

Глядя на их нетерпеливые лица, Нала ласково поддразнила:

— Торопитесь, глаза уже горят. Представляю, что будет, когда вы обзаведётесь собственными поместьями — совсем про мать позабудете.

Она начала с улыбкой, но к концу фразы в её голосе проскользнули нотки искренней печали.

Сыновья наперебой бросились уверять её в вечной преданности. Спрятав за улыбкой подступившую к горлу горечь, императрица ласково выставила их за дверь. Оставшись одна, она задумчиво вертела в пальцах фарфоровую пиалу, провожая взглядом удаляющиеся фигурки.

Юнцзин с пелёнок не отходил от старшего брата, а Юнцзи души не чаял в малыше: оберегал его от любых невзгод и учил непростой науке выживания в Запретном городе. Юнцзин рос почтительным сыном, но к отцу-императору относился с вежливым, леденящим равнодушием. Что же до Юнцзи... После той страшной болезни мальчик переменился в одночасье. Словно перешагнул через детство. Нале было горько сознавать, что вместо того чтобы защитить своего ребёнка, она сама оказалась под его невидимым крылом. Всё, что ей оставалось теперь — это дарить им всю свою нерастраченную любовь.

Императрица прекрасно знала жестокие законы гарема. Просто когда-то она была юной и доверчивой девушкой, мечтавшей о любви владыки поднебесной. Теперь эти девичьи грёзы рассеялись без следа. Нала ожесточила сердце, отказавшись от борьбы за мимолётную благосклонность супруга. Главное — сберечь сыновей.

Прежняя вспыльчивость уступила место холодному спокойствию, отчего и отношения с императором наладились: ушла былая вражда, сменившись чинным взаимным уважением. Нынешняя жизнь вполне её устраивала. Сыновья росли умными и преданными, а супруг выказывал подобающее её сану почтение.

"Пока я храню безупречность и чту заветы предков, мой трон непоколебим. Даже если престол в итоге достанется не моим мальчикам, я сумею обеспечить им безбедную и свободную жизнь. Клан Уланара теперь намертво связан со мной".

А фаворитки... Императрица презрительно усмехнулась. Кем бы они себя ни мнили, по закону они оставались лишь бесправными наложницами. Красота увянет быстро, так пусть грызутся за объедки с императорского стола — лишь бы не смели переходить ей дорогу.

Миновав дворцовые ворота, они сели в ожидавшийся их экипаж. Иньжэн устало привалился к плечу Хунши. Тот не стал отстраняться, а бережно устроил его голову у себя на коленях и принялся мягко массировать дяде виски. Всю дорогу они ехали молча.

Спустя какое-то время Иньжэн шевельнул губами, но так и не произнёс ни слова. Пальцы Хунши замерли. Он склонился ниже и прошептал:

— Что бы ты ни задумал, второй дядя, я всегда буду на твоей стороне.

Иньжэн открыл глаза и встретился взглядом с Хунши. Те же глубокие, тёмные глаза, что и при их первой встрече в этой жизни — чистые, лишённые фальши и расчёта, полные

безоговорочного доверия. Иньжэн невольно улыбнулся. Что ж, в этой жизни судьба всё-таки подарила ему настоящего брата.

— Спасибо.

Иньжэн вновь прикрыл глаза. Выбор был сделан. Племянник и сам понимал: раз уж судьба дала им второй шанс, прятаться по углам — не в правилах наследного принца. К тому же...

"Проблемы нужно решать быстро. Особенно те, что тянутся за нами из прошлой жизни".

Хунши хищно усмехнулся, и эта усмешка была удивительно похожа на надменную полуулыбку Иньжэна в годы его величия.

В Зале Вращения Сердца Канси выслушал доклад тайной стражи и снисходительно улыбнулся. Эта Нала и впрямь души не чаяла в сыновьях. Впрочем, пусть балует — эти двое всё равно приходится ему правнуками, на трон не претендуют, так к чему держать их в строгости? Он перевёл взгляд на четверых стоявших перед ним юношей, являвших собой образец братского согласия. Его взор ненадолго задержался на Иньсы. В груди старого императора шевельнулось раскаяние. В былой жизни он обошёлся с Восьмым слишком жестоко — быть может, сейчас у них появится шанс исправить старые ошибки? Перед мысленным взором невольно предстал иной образ, и сердце сжалось от тоски.

"Баочэн... Если бы и ты оказался здесь, всё могло быть иначе".

Иньсы уловил этот взгляд, но даже бровью не повёл, сохранив безупречно вежливое и кроткое выражение лица. Лишь изредка он бросал быстрые взгляды на Четырнадцатого.

Иньчжэнь и Иньсян тоже стояли как на иголках, ловя каждое движение отца.

Гао Уюн, стараясь слиться со стеной, уставился в пол и мысленно проклинал свою долю. Обстановка в Зале Вращения Сердца день от дня становилась всё более зловещей.

"Хоть бы поскорее на покой отпустили... Уехать бы в деревню, подальше от этих монарших милостей".

<http://bllate.org/book/18338/1865062>